

*ДЕМИН Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Автор более 170 научных работ, в т. ч. 7 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031>

ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В РАБОТАХ ИВАНА ИЛЬИНА И ЛЕО ШТРАУСА¹

Проводится сравнительный анализ двух трактовок и стратегий обоснования идеи естественного права, представленных в философско-правовых концепциях Ивана Ильина и Лео Штрауса. Применяется компаративный метод исследования, используется проблемно-тематический способ анализа и изложения материала. Сравнение двух трактовок естественного права осуществляется на основании следующих критериев: 1) трактовка принципа историзма и его оценка в перспективе обоснования естественно-правового мышления; 2) соотношение естественного и положительного права; 3) трактовка сущности философии, взаимосвязь между общим пониманием природы философского знания и принципами естественно-правового мышления; 4) соотношение права и религии. И Ильин, и Штраус усматривали в естественном праве инвариантную основу положительного права. Концептуальной предпосылкой реактуализации идеи естественного права у обоих философов выступает критика принципа историзма, понятого как релятивизм. Однако если Ильин видел в историзме досадный предрассудок и порождение «большого» правосознания, то Штраус рассматривал этот принцип в качестве главного вызова, с которым столкнулась классическая философская традиция. Различия в характере обоснования естественного права у Ильина и Штрауса проистекают из различий в понимании природы философского знания. Если для Ильина философия начинается с содержательного раскрытия аксиом, то для Штрауса философия, как «знание о незнании», начинается с критической постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Наиболее существенные содержательные различия в философско-правовых концепциях Ильина и Штрауса связаны с проблемой соотношения права и религии. Согласно Штраусу, претендующее на универсальность рационально-теоретическое обоснование идеи естественного права не может апеллировать к религиозному опыту и опираться на Откровение. Ильин же полагал, что такая апелляция не только возможна, но и необходима, поскольку нормальное правосознание, которому только и открывается естественное право в его предметном содержании, всегда имеет сущностно религиозный характер.

Ключевые слова: естественное право, положительное право, философия права И. Ильина, политическая философия Л. Штрауса, правосознание, классическая философия, историзм, релятивизм.

*Адрес: 443086, г. Самара, Московское ш., д. 34; e-mail: ilyadem83@yandex.ru

¹Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ»).

Для цитирования: Демин И.В. Проблема естественного права в работах Ивана Ильина и Лео Штрауса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 6. С. 105–119. DOI: 10.37482/2687-1505-V147

«Естественное право» – одно из тех понятий, через которые философская мысль не только смыкается с идеологией и политико-правовой сферой, но и начинает влиять на формы и содержание самой социальной жизни. Вот почему начиная с классической философии античности и вплоть до нашего времени вокруг идеи естественного права не утихали теоретические споры.

Актуальность обращения к проблематике естественного права определяется современным социально-правовым и мировоззренческим контекстом. В этом контексте понятие неотъемлемых прав человека начинает выполнять все более важную, порой даже системообразующую функцию. Перестав быть теоретической абстракцией, идея неотъемлемых прав личности превратилась в один из ключевых ценностных ориентиров едва ли не всех идеологических течений современности. Не будет преувеличением сказать, что в современных научно-теоретических и общественно-политических дискуссиях речь идет не столько о содержании идеи прав человека, сколько о путях, способах и контекстах обоснования этой идеи. В ходе обсуждения всех этих вопросов философы, правоведы, идеологи закономерно обращаются к доктринам естественного права и к истории естественно-правового мышления.

Цель данной статьи – сравнительный анализ двух трактовок и методологических стратегий обоснования идеи естественного права, представленных в философско-правовых концепциях Ивана Ильина и Лео Штрауса. Сравнение будет проводиться на основании следующих критериев: 1) трактовка принципа историзма и его оценка в перспективе обоснования естественно-правового мышления; 2) соотношение естественного и положительного права; 3) трактовка сущности философии, взаимосвязь между общим пониманием природы философского знания и принципами естественно-правового мышления; 4) соотношение права и религии, значение религиозного опыта и Откровения для философии естественного права.

Компаративный анализ философских текстов оказывается наиболее плодотворным тогда, когда речь идет о философах, с одной стороны, примерно равных по своему масштабу, с другой стороны, фундаментально различных. Так, сопоставление учений Платона и Аристотеля проходит красной нитью через всю историю европейской философии вплоть до наших дней. Сравнительный анализ философских систем Канта и Гегеля был одним из источников развития европейской и русской философской мысли второй половины XIX – начала XX века и сохраняет свое значение для современной философии.

Иван Ильин и Лео Штраус принадлежат к разным традициям мысли. Ильин на протяжении всего своего интеллектуального пути никогда не порывал с духовной традицией восточного христианства и не считал возможным отделять философию от ее религиозных истоков, а Штраус, напротив, исходил из несовместимости и несоединимости философского и религиозно-богословского способов мышления. Несмотря на это фундаментальное различие, в характере их философских построений обнаруживается немало общего.

Философско-правовые концепции Ильина и Штрауса следует рассматривать в общем интеллектуальном контексте возрождения интереса к естественно-правовым доктринам в конце XIX – первой половине XX века. Данная тенденция была характерна как для западной, так и для отечественной политико-правовой мысли. Однако в рамках этой общей тенденции можно обнаружить различные стратегии и подходы (см.: [1, с. 13]).

В русской философско-правовой традиции возрождение идеи естественного права, связанное с именами Б.Н. Чичерина, Вл.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А. Покровского и других философов и правоведов, осуществлялось в русле критики правового позитивизма, в ходе обсуждения фундаментальной проблемы соотношения морали и права (см.: [2]).

Ильин посвятил проблеме сущности права целый ряд работ, начиная с ранней статьи

«Понятие права и силы» [3] и заканчивая фундаментальным трактатом «О сущности правосознания» [4], написанным в первоначальном варианте в 1919 году, но впервые опубликованным в 1956 году, уже после смерти автора. Философско-правовая концепция Ильина хорошо изучена в отечественной литературе [5–9], поэтому в контексте статьи мы остановимся лишь на тех ее положениях, которые имеют наибольшее значение для реактуализации идеи естественного права и могут быть соотнесены с политической философией Л. Штрауса.

Лео Штраус обращался к проблеме обоснования естественного права в монографии «Естественное право и история» (1953) и ряде статей конца 40-х – начала 50-х годов XX века [10–12]. И на Западе, и в России Штраус известен главным образом как политический мыслитель, теоретик естественного права, возродивший традицию классической античной философии [13–17], и один из предшественников американского неоконсерватизма [18–20]. Философско-исторические взгляды Штрауса изучены в меньшей степени, а между тем именно трактовка истории (критика принципа историзма) во многом определяет своеобразие его трактовки естественного права.

1. Критика историзма и релятивизма как предпосылка реактуализации идеи естественного права. Европейские и русские философы, которые в конце XIX и первой половине XX века стремились возродить классическую доктрину естественного права, реагировали на *вызов историзма*².

Историзм в общем и «усредненном» смысле есть принцип мышления, сводящий *философские* вопросы к вопросам *историческим*, и мировоззренческая установка, согласно которой признание культурно-исторической обусловленности всякой философской системы исключает возможность не только универсальных

философских *вопросов*, но и универсальных философских *ответов*. Применительно к политической философии и философии права историзм означает установку, утверждающую принципиальную невозможность априорного и универсального (трансисторического) понятия справедливости. В области политико-правового мышления «историзм» сближается с релятивизмом, вплоть до их полной неразличимости: признание культурно-исторической обусловленности содержания всех правовых норм исключает возможность их объективной и универсальной (надситуативной) оценки, «уравнивает» все исторически конкретные правовые системы и представления о справедливости.

Оба философа, Иван Ильин и Лео Штраус, отстаивали идею естественного права и универсальное понятие справедливости перед лицом историзма и релятивизма, но делали это по-разному.

Ильин не достаивал доводы, выдвинутые сторонниками «исторической школы» и представителями других типов историзма (прежде всего, марксистского), существенного внимания. Он видел в историзме скорее *досадный предрассудок*, нежели серьезную теоретическую угрозу.

Характеризуя господствовавший в России начала XX века тип правосознания, Ильин писал: «“Образованные” и необразованные круги народа одинаково не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний; они видят в нем или неприятное стеснение, или в лучшем случае – удобное средство для защиты и нападения. Правосознание сводится к запасу непродуманных сведений из области положительного права и к умению “пользоваться” ими, а за этим “знанием” и “пользованием” оно укрывает в себе глубочайшие недуги и дефекты, внутреннее вырождение и духовное бес-

²Принцип историзма всегда понимался по-разному как его сторонниками, так и его критиками (см.: [21]). В области историко-правовых и философско-правовых исследований конца XIX – первой трети XX века термин «историзм» использовался преимущественно для обозначения позиции «исторической школы», однако в работах Ильина и, особенно, Штрауса этот термин приобретает более широкое значение и охватывает более широкий философский контекст.

силе» [4, с. 160]. Содержащаяся в историзме ложная теоретическая трактовка права, согласно Ильину, укоренена в «большом», «дефективном» правосознании. Убеждение в исторической относительности права «идет навстречу своекорыстному и близорукому интересу, питается им и, в свою очередь, обслуживает его» [4, с. 159].

Позиция историзма отвергается Ильиным не потому, что в теоретических построениях его сторонников обнаруживаются изъяны и противоречия, а потому, что идея исторической относительности и обусловленности права заранее объявляется порождением нездорового, «дефективного» правосознания.

В отличие от Ильина, Лео Штраус в разборе точки зрения и аргументов историзма руководствовался принципом «презумпции невиновности» и не отказывал своим оппонентам в интеллектуальной добросовестности.

К проблеме историзма Лео Штраус обращался во многих своих работах [10, 11, 22]. Не будет преувеличением сказать, что критика историзма – один из лейтмотивов его философских исканий. Штраус не столько выстраивал собственную рационально обоснованную систему политической философии, отталкиваясь от классических античных образцов, сколько стремился опровергнуть аргументы своих оппонентов из числа «историцистов», показать внутреннюю противоречивость и практическую непригодность их воззрений на философию, историю, политику, право (подробнее об этом см.: [23]).

Решающее значение в споре Штрауса с историзмом имеет вопрос: способна ли человеческая мысль понять нечто трансисторическое? [24, с. 29]. Немецко-американский философ исходил из того, что никакие исторические свидетельства сами по себе не могут являться аргументом против идеи естественного права, а множественность представлений о праве и справедливости как раз и побуждает к поиску естественного права как универсального начала [24, с. 16].

Философия в полном и первоначальном (неискаженном) смысле этого слова представляет

собой, согласно Штраусу, стремление заменить *мнение о целом знанием целого* [24, с. 17]. Однако уже в эпоху классической греческой античности философия столкнулась с угрозой искажения со стороны принципа, который немецко-американский философ обозначил как *конвенционализм*. На почве античного конвенционализма выросли теории общественного договора нового времени, а также историзм и позитивизм XIX века, объявившие философию в ее классическом понимании невозможной и ненужной. Последним словом релятивизирующего историзма, его закономерным логическим выводом стал *нигилизм*, утверждающий невозможность каких-либо объективно значащих этических и правовых норм. Однако нигилизм, согласно Штраусу, будучи логическим завершением историзма, стал его *самоотрицанием*: «Та точка зрения, что “исторический процесс” есть бессмысленная паутина или что вообще такой вещи, как “исторический процесс”, не существует, не была новой. Такой, в основном, была классическая точка зрения» [24, с. 24]. Нигилистическое следствие историзма, согласно Штраусу, возвращает мышление к старой, неисторической точке зрения.

Штраус усматривал прямую связь между классическим пониманием философии и идеей естественного права: «Позиция историзма может быть сведена к утверждению, что естественное право потому невозможно, что невозможна философия в полном смысле этого слова. Философия возможна только в том случае, если существует некий абсолютный или естественный кругозор, в отличие от исторически изменяющихся кругозоров или пещер» [24, с. 39]. Признание возможности «абсолютного кругозора», не обусловленного историческим контекстом, трансисторической точки зрения на фундаментальные проблемы – определяющая черта философии в классическом ее понимании.

Так понятая философия есть, однако, *необходимое*, но не *достаточное* условие существования и познаваемости естественного права. Для возможности философии вполне

достаточно того, что фундаментальные проблемы имеют трансисторический характер, т. е. сохраняют свое значение в любую историческую эпоху. Однако естественное право, как отмечает Штраус, невозможно в том случае, «если невозможно окончательное решение фундаментальных проблем политической философии» [24, с. 39]. Иными словами, раскрыть универсальное содержание понятия «естественное право» можно лишь при условии, что фундаментальные проблемы политической философии (прежде всего, проблема справедливости) признаются *принципиально разрешимыми*, доступными человеческому разуму. Тогда естественное право оказывается не только *мыслимым*, но и *познаваемым*.

С чем связаны столь существенные различия в оценке *степени серьезности* того вызова, который был брошен историзмом классической традиции, у мыслителей, придерживавшихся во многом сходных взглядов на сущность философии? Дело в том, что Ильин был знаком с принципом историзма в его «романтической», гегелевской и марксистской редакциях. К началу 20-х годов XX века опыт осмысления истории в рамках этих направлений уже был частично освоен, а частично отвергнут русской религиозно-философской традицией, а потому для Ильина аргументы сторонников историзма не представляли существенного интереса.

Работа Лео Штрауса «Естественное право и история» вызревала и создавалась в ином историко-философском контексте. Начиная с 10-х годов XX века рационалистически ориентированная философия подверглась критике со стороны *нового историзма*, различные версии которого были концептуально обоснованы в рамках таких направлений, как философия жизни (В. Дильтей, А. Бергсон), неогегельянство (Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуд), философская герменевтика (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер).

Несмотря на различия в трактовке историзма и, особенно, в оценке степени его опасности для рационалистически ориентированной философии, оба мыслителя считали этот принцип несовместимым с самой идеей естествен-

ного права и противоречащим основной задаче политической философии – рациональному обоснованию универсальной природы права и справедливости.

Главным аргументом против историзма, релятивизирующего (фактически – аннигилирующего) естественное право, и Ильин, и Штраус считали тот простой факт, что всякому человеку в любую историческую эпоху органически присуща способность различать правильное и неправильное, справедливое и несправедливое. «“Опыт истории”, – писал Штраус, – вместе с менее двусмысленным опытом сложности человеческих дел, может затуманить, но не может погасить свидетельства тех простых переживаний справедливого и несправедливого, лежащих в основе философского утверждения, что существует естественное право» [24, с. 36]. Историзм же либо игнорирует, либо искажает эти элементарные переживания в угоду предвзятым теоретическим допущениям.

Аналогичный ход мысли обнаруживаем у Ильина: «Переживание естественного права присуще каждому человеку, но у большинства оно остается смутным, неуверенным и неосознанным “правовым чувством”, как бы “инстинктом правоты” или в лучшем случае “интуицией правоты”» [4, с. 157]. Естественное право для Ильина – не метафизическая и юридическая абстракция, о которой человек впервые узнает из трудов философов, а исконное и универсальное начало социальной жизни и правосознания, нерасторжимая связь, единство моральных и правовых аспектов человеческого бытия. Однако на уровне повседневной жизни это начало по большей части выступает как неосознанное или слабоосознаваемое «чувство правды», своего рода «интуиция справедливости».

2. Естественное право и положительное право. Соотношение *естественного* права и права *положительного*, устанавливаемого и санкционируемого государством, – центральный вопрос всякой естественно-правовой доктрины.

Естественное право в концепции Ильина есть внутренняя, смысловая сущность поло-

жительного права, его «всеобщая логическая основа, как бы категориальный или принципиальный остов всякого права как такового» [25, с. 301]. Соотношение между положительным и естественным правом может быть зафиксировано в следующих тезисах: 1) естественное право мыслится как неизменная *сущность*, тогда как положительное право – как неполное и несовершенное *осуществление* этой сущности в истории; 2) естественное право – *безусловное начало*, тогда как положительное право всегда *обусловлено* социально-исторически; 3) естественное право представляет собой *основание*, тогда как положительное право мыслится как *обоснованное*, причем обоснованным оно может считаться в той степени, в которой реализует естественные правовые нормы и принципы; 4) естественное право предполагает *автономию* духовной жизни субъекта, тогда как положительное право осуществляет *гетерономное* регулирование.

Положительное право в концепции Ильина обладает объективной предметной значимостью лишь постольку, поскольку оно реализует естественное право, а последнее, в свою очередь, действительно лишь в той мере, в которой воплощено в конкретных нормах законодательства [4, с. 211]. Из этого следует, что никакого дуализма естественного и положительного права не существует, точнее, этот дуализм свойствен лишь «незрелым» и «нездоровым» формам правосознания, тогда как способность увидеть в положительном праве несовершенное осуществление права естественного является чертой «зрелого» правосознания [4, с. 211]: «Единство положительного и естественного права *уже дано*, хотя бы в зачатке, и *еще задано* в своем целостном и осуществленном виде» (курсив Ильина. – *И.Д.*) [4, с. 211].

Оппозиция «положительное право – естественное право» в контексте философии права Ильина представляет собой одну из импликаций более фундаментальной философской оппозиции «сущее – должное». Единство этих начал в области правовой жизни обеспечивается понятием *правосознания*. Здоровое, нормальное

правосознание есть то начало, посредством которого должное становится реальной силой, преобразующей сущее: «...право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность» [4, с. 180].

В работе «Естественное право и история» мы находим сходную интерпретацию соотношения естественного и позитивного права, хотя Штрауса здесь интересует не столько феномен правосознания, сколько европейская философско-правовая традиция. Отвергая конвенциональную трактовку права и справедливости, немецко-американский философ отмечает, что «*законное* хотя не идентично со *справедливым*, но отражает более или менее тускло естественное право» (курсив мой. – *И.Д.*) [24, с. 98]. Суть возражения Штрауса против конвенционализма (концепции, сводящей право к праву *позитивному*) состоит в следующем: если справедливость конвенциональна, если она совпадает с «законностью», как в таком случае возможны «несправедливые законы», почему люди склонны считать некоторые законы несправедливыми? [24, с. 98].

К уже приведенной метафоре, описывающей соотношение естественного и позитивного права в концепции Штрауса (позитивное, конвенциональное право как «тусклое отражение» права естественного), можно добавить еще одну: позитивное право есть как бы *разбавленный раствор* естественного права. В конкретных условиях общественной жизни естественное право не просто *может*, но *должно* быть «разбавлено» позитивным правом [24, с. 146–147].

Примечательно, что оба философа отвергали новоевропейскую теорию общественного договора, считая ее несовместимой с классическим пониманием естественного права. Однако основания неприятия этой теории у Ильина и Штрауса различны. Ильин считал, что гипотеза общественного договора бесполезна и неверна, т. к. она не только не способна разрешить проблемы генезиса права, но и искажает его сущность.

«Право, – отмечал русский философ, – должно быть признано каждым в сознательном духовном решении, а не в бессознательной, молчаливой пассивности, самостоятельно, а не в лице своих легендарных предков» (курсив Ильина. – И.Д.) [4, с. 190]. В данной цитате под «правом» понимается нерасторжимое единство положительного и естественного права. Теория общественного договора исходит из абстрактного противопоставления положительного и естественного права (причем последнее берется только в одном – субъективном – аспекте, в аспекте «естественных и неотчуждаемых прав индивида»), а потому неприемлема для Ильина, который не отделяет субъективный аспект естественного права от объективного.

Штраус в ходе критического анализа новоевропейской теории общественного договора также приходит к признанию ее несовместимости с идеей естественного права в классическом (античном) понимании. В учении об общественном договоре он видит торжество принципа конвенционализма [24, с. 238].

В договорной теории вопрос о *сущности* права фактически сводится к вопросу о его *генезисе*. Для Штрауса, как и для Ильина, такой подход был неприемлем, т. к. право понималось ими как нечто *укорененное в самой природе человека*, в структуре его духовной жизни. В рамках такой трактовки вопрос об историческом и психологическом генезисе права и правосознания не мог иметь первостепенного значения.

3. Понимание сущности философии. Дискуссии вокруг идеи естественного права в русской и европейской философии первой половины и середины XX века выходили далеко за пределы обсуждения проблемы сущности права и философских оснований юриспруденции, высвечивая фундаментальные различия в понимании предмета и задач философии как таковой.

Лео Штраус во всех своих политико-философских работах придерживался восходящего к Сократу понимания сущности и назначе-

ния философии и искал пути реактуализации классической философской традиции в новом интеллектуальном контексте середины XX века. Философия, понятая как «знание о незнании» и разоблачение «мнимой мудрости», представляет собой осмысление фундаментальных проблем и фундаментальных альтернатив мышления («субстанциализм – конвенционализм», «объективизм – релятивизм» и т. д.), порождаемых стремлением человеческого разума разрешить эти проблемы. Штраус полагал, что те фундаментальные вопросы, ответами на которые была, например, философия Аристотеля, «тождественны тем фундаментальным вопросам, которые непосредственно касаются нас сегодня» [24, с. 28]. Фундаментальные вопросы не могут «устаревать». Данный тезис, согласно Штраусу, сохраняет свою силу даже в том случае, если допустить неразрешимость фундаментальных проблем, невозможность рационально обоснованного выбора между различными вариантами их решения.

Раскрывая некоторые содержательные аспекты классической доктрины естественного права (идея иерархии, неприятие эгалитаризма, объективный характер человеческих целей, понимание гражданского общества как «закрытого» общества), Штраус действует скорее как историк философии, нежели как систематический философ.

Принципиально иначе к постановке и решению проблемы естественного права подходит Иван Ильин. Прежде всего, философия для Ильина – не столько сократовское *знание о незнании*, сколько *знание «аксиом»*³. В каждой области духовной жизни Ильин выделяет исходные аксиоматические основания, делающие тот или иной опыт возможным («аксиомы религиозного опыта», «аксиомы правосознания»). В рамках соответствующей философской дисциплины (философии религии, философии права) осуществляется раскрытие содержания «аксиом». Все фундаментальные проблемы, дошедшие из философской традиции, решаются

³Подробнее о философской методологии Ильина см: [26, с. 262–274].

Ильиным, исходя из «аксиом», которым придается статус исходных и самоочевидных постулатов⁴.

В работе «О сущности правосознания» Ильин стремился представить целостное и законченное учение о правосознании, тем самым полностью раскрыть содержание идеи естественного права. Историко-философские и методологические аспекты этой проблемы его при этом не интересовали. Примечательно, что в рассматриваемой работе почти нет не только экскурсов в историю философии права, но даже упоминаний имен ключевых мыслителей, практически полностью отсутствует разбор и критика философско-правовых концепций прошлого.

Штраус же, как уже отмечалось, выстраивает свою аргументацию в защиту естественного права по преимуществу в *историко-философском* ключе⁵. Для Штрауса на первый план выходит проблема *возможности и мыслимости* идеи естественного права, а не вопрос об *объективном содержании* этой идеи. Отсюда – его напряженная полемика с историзмом, детальный разбор аргументации критиков. Для Ильина же данная проблема не представляет существенного интереса, т. к. ее решение уже содержится в тех постулатах, которые были приняты в качестве аксиом правосознания и философии права.

И Ильин, и Штраус усматривали цель политико-правовой философии в экспликации проблематики естественного права, что предполагало раскрытие сущности правового регулирования общественной жизни, прояснение соотношения между естественным и положительным правом, выявление безусловных оснований правосознания.

Оба философа постулировали единство, неразрывную связь *предмета* и *метода* философии права.

«...Нормальное правосознание, – отмечал Ильин, – есть объект познания, доступный только предметной философии: здесь познать значит испытать предмет; испытать предмет значит полюбить его; полюбить значит утвердить в себе волю к нему; и все это вместе значит вступить на путь непосредственного осуществления того, что стало познанным, любимым и желанным. Таков путь (метод) во *всяком* философствовании; таков он – и в философии права, и в исследовании нормального правосознания» (курсив Ильина. – *И.Д.*) [4, с. 404]. Под «нормальным правосознанием» русский философ понимает сознание, способное усваивать содержание идеи естественного права и действовать, исходя из его неизменных и универсальных принципов, совершенствуя законодательство и сокращая разрыв между естественным правом и правом положительным. Однако данный предмет, феномен нормального правосознания, вовсе не лежит на поверхности, он требует от исследователя подготовки (причем отнюдь не только философско-теоретической). «Нормальное правосознание», а вместе с ним и путь к адекватному пониманию и раскрытию всей проблематики естественного права, открывается только подготовленному наблюдателю: «Для того чтобы описать строение нормального правосознания и верно закрепить его содержание, его необходимо осуществить в себе самом» [4, с. 405]. Иными словами, для философского изучения и осмысления нормального правосознания философу *уже необходимо этим правосознанием обладать* или, по крайней мере, *находиться на пути к нему*. Поэтому описание нормального правосознания есть не что иное, как его *самоописание*.

Философия права как учение о «духовно здоровом правосознании», согласно трактовке Ильина, «не исследует и не изображает жизнь

⁴Ильин выделяет три аксиомы правосознания – закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания. Содержательное раскрытие этих принципов выходит за рамки данной статьи.

⁵Путь, по которому движется мысль Ивана Ильина, для Лео Штрауса оказывается закрыт. Это связано с тем обстоятельством, что сама идея «аксиом философии» в контексте античной классики, к которой апеллирует Штраус, оказывается как минимум проблематичной.

человечества в ее действительной полноте», но она «не чертит и отвлеченного “идеала”, не-реальной идеи или “бесконечного” задания» [4, с. 406]. Вслед за Гегелем, Ильин стремился преодолеть оппозицию «должное – сущее» в понимании философии. Наиболее отчетливо данная интенция проявилась в работе «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». «Философия, – писал Ильин, – не занимается дедукцией “должного”, построением “норм” или начертанием идеалов. Она понимает *сущее, подлинно реальный предмет*» (курсив Ильина. – И.Д.) [25, с. 300].

Из такой трактовки философии следует, что идея естественного права не может быть ни эмпирическим обобщением результатов конкретных исторических и правовых исследований (как полагали позитивисты), ни «бесконечным идеалом» (как полагали неокантианцы). Понятие естественного права (и неотделимое от него понятие нормального правосознания) не может быть получено посредством исторической индукции, но оно не может быть выведено и дедуктивным путем из более общих умозрительных положений. Естественное право должно мыслиться как живая сила, действующее и неустранимое начало общественной жизни. «Нормальное правосознание» в концепции Ильина – это одновременно и *предмет познания*, и *инструмент* (орган), с помощью которого познание осуществляется.

Похожий, хотя и не вполне тождественный, ход рассуждений можно обнаружить и в работе Штрауса. Рассматривая философию в целом как поиск исходных начал, первопринципов, отыскание непреходящего, неизменного, необходимого, Штраус определял политическую философию как *науку о естественном праве* [24, с. 97]. Назначение этой дисциплины состоит в обосновании и содержательном раскрытии естественного права. Подобно тому, как природа вообще («первоначало», «разумная необходимость») закрыта для обыденного взора и нуждается в философском раскрытии, так и природа естественного права скрыта под напластованными норм обычая и позитивного права. Штраус

особенно подчеркивал, что «естественное право» – не одна из теорий, изобретенных людьми, но *объект науки* – политической философии: «...знание естественного права должно быть приобретено с помощью человеческих усилий... познание естественного права имеет характер науки» [24, с. 97]. Развивая далее античное понимание науки, Штраус отмечал: «Наука принимает как ее объект то, что есть всегда, или то, что неизменно, или то, что есть поистине. Поэтому естественное право, или справедливость, должно существовать поистине и поэтому должно “обладать везде той же самой властью”» [24, с. 97].

Как видим, в обеих концепциях предполагается, что философия приходит к идее естественного права, преодолевая наивный релятивизм, проистекающий из дофилософского мышления. Оба философа исходили из того, что релятивизм (этический, ценностный, правовой) враждебен философии и несовместим с ней: философ не может быть релятивистом, а релятивист – философом.

Общим для Ильина и Штрауса является и тезис о том, что содержательное раскрытие естественного права требует от субъекта познания (философа) определенной «подготовки». В концепции Штрауса эта «подготовка» ограничивается усвоением исходных презумпций классической («неисторической») философии (вне этого контекста идея естественного права не только непознаваема, но и бессмысленна), тогда как в учении Ильина прямо утверждается, что естественное право в своем предметном содержании доступно лишь «нормальному», «здоровому» правосознанию (одного лишь чистого созерцания и сократического диалога недостаточно для раскрытия универсальных аспектов правовой жизни, которые в совокупности и составляют содержание понятия «естественное право»). В обеих концепциях философия естественного права предстает как особого рода *практика*, однако в трактовке Штрауса эта практика имеет сугубо познавательный, рациональный характер, тогда как в учении о правосознании Ильина к познавательному

аспекту добавляется еще и аспект религиозно-этический.

4. Идея естественного права и религиозный опыт. Наиболее существенные содержательные различия в философско-правовых концепциях Ильина и Штрауса обнаруживаются при обсуждении вопроса о религиозно-теологических истоках идеи естественного права.

Один из ключевых тезисов философско-правового учения Ильина состоит в том, что государство и право не есть нечто внешнее по отношению к духовной жизни индивида и общества. «Должен быть, – писал Ильин, – окончательно отвергнут губительный предрассудок о “внешней” природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя”, *душевно-духовная сущность*» (курсив Ильина. – И.Д.) [4, с. 386]. Вслед за Гегелем, русский философ утверждает нерасторжимую связь государства и права с жизнью духа. Согласно Ильину, «именно человеческая душа остается тою средою, в которой зарождается, зреет, протекает – и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого» [4, с. 386–387]. Через раскрытие «внутренней» душевно-духовной природы государственно-правовой жизни Ильин подходит к решению ключевой для него проблемы – соотношения правовой жизни и религиозного опыта.

Вопрос о связи правосознания с религиозностью рассматривается Ильиным в 21-й главе книги «О сущности правосознания». Прежде всего, Ильин постулирует верховное, руководящее значение религии в духовной жизни индивида и общества. Религия *не может быть* поставлена на одну плоскость с моралью, искусством, наукой и другими формами духа: «Подобно *всякой* жизни человека и *политическая* жизнь нуждается в *религиозном* истоке и *религиозном созерцании*, ибо только отсюда она может получить... верную градацию

жизненных ценностей и целей» (курсив Ильина. – И.Д.) [4, с. 394].

Ильин фактически отождествляет понятия «духовный опыт» и «религиозный опыт», а последний, в свою очередь, сводится им к *христианскому* религиозному опыту (см. об этом: [27, с. 209–211]). Понимая, что правовая жизнь и естественно-правовое мышление возможны и *за пределами* христианского мировидения, и стремясь при этом обосновать религиозные истоки самой *идеи права*, Ильин прибегает к приему, который делает его позицию одновременно неопровержимой и недоказуемой (нефальсифицируемой и неverifiedируемой). Он утверждает сущностно религиозный характер не *всякого правосознания*, но лишь «нормального», «здорового» правосознания: «...последний корень здорового правосознания имеет *религиозную природу*, ибо дух инстинкта, так же как и *воля к духу*, есть по существу своему *искание божественного совершенства*» (курсив Ильина. – И.Д.) [4, с. 394]. В своей речи «Основные задачи правоведения в России» (1922) Ильин подчеркивал, что «правосознание есть состояние не просто душевное, а душевно-духовное, которое стоит в глубокой и тесной связи с религиозной жизнью индивидуума и народа и со всем, присущим ему национальным характером и ритмом духовной жизни» [28, с. 175–176].

Аргументация Ильина такова: исходное право человека, лежащее в основе всех других его естественных прав (в т. ч. права собственности), – это право на *духовную жизнь*, право «быть духом». Право на духовную жизнь отождествляется с правом на жизнь *религиозную*, правом на религию⁶, а потребность в религии – с потребностью в духовной свободе. Эта потребность, в свою очередь, порождает *потребность в правопорядке*. Право по своей природе не является чем-то сугубо *внешним* по отношению к духовной жизни и религиозному опыту, право есть необходимая форма духовного

⁶«Право на религию» в учении о правосознании Ильина, разумеется, не имеет ничего общего с основополагающим принципом классического либерализма – принципом «свободы совести». «Свобода совести», как понимает ее Ильин, – не свобода выбрать «понравившуюся» религию, но возможность жить духовной жизнью.

(религиозного) бытия человека. Однако такое понимание права доступно не всякому правосознанию, а лишь правосознанию «здоровому» и «зрелому». Воля к духовной автономии, составляющая существо подлинной религиозности, есть не что иное, как воля к естественному праву. Принцип автономии духовной жизни, таким образом, оказывается искомым *общим знаменателем*, под который равно подводится и религиозный опыт, и правовая жизнь.

Связь между правом и религиозностью в концепции Ильина, однако, не является односторонней. Вне полноценной религиозной жизни не может быть «здорового правосознания» (а следовательно, и естественного права), но верно и то, что вне права невозможна сама религиозная жизнь. Религиозное сознание несовместимо с правовым нигилизмом, оно не может отрицать или преуменьшать объективную ценность правовых норм, заключенную в идее естественного права: «...вне права не может быть и религии. <...> ...Право само по себе и особенно естественное право должно быть признано каждым верующим» [4, с. 391].

В предложенной Ильиным трактовке соотношения религии и права, религиозного опыта и правосознания отчетливо прослеживается стремление дистанцироваться как от новоевропейских секулярных теорий государства и права (с большей или меньшей последовательностью утверждавших независимость права от религии), так и от «религиозного анархизма», ярким проявлением которого стало учение Л.Н. Толстого.

Философия, согласно Ильину, обретает безусловно *аксиоматический* характер не иначе как через свою связь с областью религиозного опыта. Так, «аксиомы правосознания» обретают свою очевидность только в контексте религиозного мирозерцания. Границы между философией религии и философией права, религиозным опытом и правовой жизнью, тем самым, оказываются размытыми. Естественное право укоренено в религиозном опыте, однако и сам религиозный опыт с необходимостью предполагает усвоение идеи естественного права.

Еще более размытыми и неопределенными в концепции Ильина предстают границы между философией религиозного опыта и христианским мирозерцанием. Подлинная философия, адекватно постигающая аксиомы духовного опыта, не может быть иной, кроме как *религиозной*. Эта общая установка, разделяемая многими крупнейшими русскими мыслителями второй половины XIX и первой трети XX века, представлялась Ильину чем-то самоочевидным. Однако она вовсе не была таковой для Лео Штрауса.

В статье «Взаимное влияние философии и теологии» (1954) Штраус категорически утверждает неосуществимость какого-либо рационального синтеза богословия и философии, невозможность какой-либо третьей, компромиссной («философско-богословской», «религиозно-философской») точки зрения: «Никто не может быть одновременно и философом, и богословом или, если на то пошло, кем-то третьим, пребывающим “над схваткой”, над конфликтом философии и богословия либо синтезирующим их. Но каждый из нас может и должен быть либо тем, либо другим – либо философом, открытым вызову богословия, либо теологом, открытым вызову философии» [29, с. 294]. Штраус характеризует отношение двух традиций – библейской и античной – как отношение *радикального противостояния*: «Библия не признает включения в философские рамки так же, как и философия – в библейские» [29, с. 298].

Позиция немецко-американского философа по вопросу о соотношении политической философии и религии Откровения отчетливо прослеживается в ходе критического разбора томистской доктрины естественного права. Штраус полагал, что учение Фомы Аквинского о «естественном законе», с одной стороны, продолжает античную (прежде всего, аристотелевскую) традицию политической философии, с другой стороны, выстраивает теорию права на новых – христианских, библейских – основаниях. Последние, однако, оказываются несовместимыми с античной классикой.

Штраус отмечал, что томистская доктрина естественного права свободна от сомнений и двусмысленностей, которые были характерны для учений Платона, Аристотеля, стоиков и Цицерона. Однако эта последовательность и цельность была достигнута дорогой ценой – ценой *поглощения естественного права теологией*: «...окончательное следствие томистской точки зрения на естественный закон есть то, что естественный закон является практически неотделимым не только от естественной теологии – т. е. от естественной теологии, которая в действительности основывается на вере в библейское откровение, – но даже от явленной теологии» [24, с. 156]. Тем самым, идея естественного права утрачивает статус универсального рационально-достоверного знания и ставится в зависимость от религиозного опыта и веры в Откровение.

Теологическое истолкование естественного права в учении Фомы Аквинского представлялось Штраусу отходом от классической традиции. Покоряясь авторитету Откровения, философия, в частности политическая философия, вырождается в «апологетику данного или возникающего общественного строя» [24, с. 90] либо подвергается «трансформации в теологию или законоучение» [24, с. 90].

Подведем итог. Подлинную задачу философско-правовой рефлексии и Штраус, и Ильин видели в раскрытии объективного универсального содержания идеи естественного права. Оба философа усматривали в естественном праве инвариантную основу положительного права, при этом признавали, что естественное право может подвергаться

искажениям как на уровне теоретического осмысления, так и на уровне законотворческой и правоприменительной деятельности в любую историческую эпоху.

Рассматривая естественное право в качестве начала, присущего самой человеческой природе, и Ильин, и Штраус исходили из того, что в основании естественно-правового мышления лежит не умозрительный постулат метафизики, а неискаженное видение элементарных фактов человеческой жизни. При этом Штраус раскрывал содержание идеи естественного права в ходе анализа историко-философской традиции и сравнительного описания античных, средневековых и новоевропейских политико-правовых теорий, Ильин же начинал построение системы философии права непосредственно с раскрытия сущности правосознания, его форм и «аксиом».

Немецко-американский философ, полемизируя с различными направлениями «исторцистской» философии и демонстрируя самопротиворечивость историзма XIX–XX веков, подробно разбирал вопрос об условиях возможности (мыслимости) естественного права, для Ильина же данный вопрос существенного теоретического интереса не представлял.

Штраус исходил из того, что рационально-теоретическое обоснование идеи естественного права не может апеллировать к религиозному опыту и опираться на Откровение. Ильин же утверждал, что нормальное правосознание, которому только и открывается естественное право в его объективном предметном значении, всегда имеет сущностно религиозный характер.

Список литературы

1. Валицкий А. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму: моногр. М.: Оригинал-макет, 2017. 352 с.
3. Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Вопр. философии и психологии. 1910. Кн. 101. С. 1–38.

4. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Рус. кн., 1994. С. 149–414.
5. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999. 224 с. (Науч. докл. / Моск. обществ. науч. фонд, № 75).
6. Евлампиев И.И. Философские и правовые взгляды И.А. Ильина // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1992. № 3. С. 81–93.
7. Окара А.Н. Правосознание – центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 84–93.
8. Вакулинская А.И. Теоретические аспекты философии права И.А. Ильина в контексте русской традиции понимания права // История философии. 2018. Т. 23, № 1. С. 96–107.
9. Вакулинская А.И. Идея права в философии И.А. Ильина: дис. ... канд. филос. наук. М., 2019. 187 с.
10. Strauss L. Political Philosophy and History // J. Hist. Ideas. 1949. Vol. 10, № 1. P. 30–50. DOI: [10.2307/2707198](https://doi.org/10.2307/2707198)
11. Strauss L. Natural Right and the Historical Approach // Rev. Politics. 1950. Vol. 12, № 4. P. 422–442.
12. Strauss L. The Origin of the Idea of Natural Right // Soc. Res. 1952. Vol. 19, № 1. P. 23–60.
13. Smith S.B. Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 269 p.
14. Tarcov N. Philosophy and History: Tradition and Interpretation in the Work of Leo Strauss // Polity. 1983. Vol. 16, № 1. P. 5–29. DOI: [10.2307/3234520](https://doi.org/10.2307/3234520)
15. Pangle T.L. Leo Strauss: An Introduction to His Thought and Intellectual Legacy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. 189 p.
16. Janssens D. Between Athens and Jerusalem: Philosophy, Prophecy, and Politics in Leo Strauss's Early Thought. Albany: State University of New York Press, 2008. 274 p.
17. Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социол. обозрение. 2012. Т. 11, № 3. С. 26–40.
18. Norton A. Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven: Yale University Press, 2004. 235 p.
19. Павлов А.В. Основания неоконсерватизма // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 101–116.
20. Блохин К.В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 729–744. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744)
21. Демин И.В. Принцип историзма в постметафизическом контексте // Филос. науки. 2016. № 12. С. 34–44.
22. Штраус Л. Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 9–49.
23. Демин И.В. Критика историзма в философской концепции Лео Штрауса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 22–36. DOI: [10.17506/ryipl.2016.17.3.2236](https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.3.2236)
24. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
25. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
26. Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. 509 с.
27. Евлампиев И.И. Иван Ильин. СПб.: Наука, 2016. 251 с.
28. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Рус. мысль. 1922. Кн. VIII–XII. С. 162–188.
29. Штраус Л. Взаимное влияние философии и теологии // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 294–309.

References

1. Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Oxford, 1987. 480 p. (Russ. ed.: Valitskiy A. *Filosofiya prava russkogo liberalizma*. Moscow, 2012. 567 p.).
2. Zhukov V.N. *Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian Philosophy of Law: From Rationalism to Mysticism]. Moscow, 2017. 352 p.
3. Ilyin I.A. Ponyatie prava i sily (Opyt metodologicheskogo analiza) [The Notion of Law and Force (a Methodological Analysis)]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1910, book 101, pp. 1–38.
4. Ilyin I.A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the Essence of Legal Consciousness]. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow, 1994, pp. 149–414.
5. Kartsov A.S. *Pravovaya ideologiya russkogo konservatizma* [Legal Ideology of Russian Conservatism]. Moscow, 1999. 224 p.

6. Evlampiev I.I. Filosofskie i pravovye vzglyady I.A. Il'ina [Philosophical and Legal Views of Ivan Ilyin]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1992, no. 3, pp. 81–93.
7. Okara A.N. Pravosoznanie – tsentral'naya kategoriya filosofii prava I.A. Il'ina [Legal Consciousness as a Central Category in Ivan Ilyin's Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo*, 1999, no. 6, pp. 84–93.
8. Vakulinskaya A.I. Teoreticheskie aspekty filosofii prava I.A. Il'ina v kontekste russkoy traditsii ponimaniya prava [Aspects of Ivan Ilyin's Philosophy of Law and Russian Tradition of Understanding Law]. *Istoriya filosofii*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 96–107.
9. Vakulinskaya A.I. *Ideya prava v filosofii I.A. Il'ina* [The Idea of Law in Ivan Ilyin's Philosophy: Diss.]. Moscow, 2019. 187 p.
10. Strauss L. Political Philosophy and History. *J. Hist. Ideas*, 1949, vol. 10, no. 1, pp. 30–50. DOI: [10.2307/2707198](https://doi.org/10.2307/2707198)
11. Strauss L. Natural Right and the Historical Approach. *Rev. Politics*, 1950, vol. 12, no. 4, pp. 422–442.
12. Strauss L. The Origin of the Idea of Natural Right. *Soc. Res.*, 1952, vol. 19, no. 1, pp. 23–60.
13. Smith S.B. *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism*. Chicago, 2006. 269 p.
14. Tarcov N. Philosophy and History: Tradition and Interpretation in the Work of Leo Strauss. *Polity*, 1983, vol. 16, no. 1, pp. 5–29. DOI: [10.2307/3234520](https://doi.org/10.2307/3234520)
15. Pangle T.L. *Leo Strauss: An Introduction to His Thought and Intellectual Legacy*. Baltimore, 2006. 189 p.
16. Janssens D. *Between Athens and Jerusalem: Philosophy, Prophecy, and Politics in Leo Strauss's Early Thought*. Albany, 2008. 274 p.
17. Dmitriev T. Spor ob osnovakh politicheskogo: Leo Shtraus versus Karl Shmitt [The Debate About the Foundations of the Political; Or, Leo Strauss versus Carl Schmitt]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012, vol. 11, no. 3, pp. 26–40.
18. Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Haven, 2004. 235 p.
19. Pavlov A.V. Osnovaniya neokonservatizma [Origins of Neoconservatism]. *Tetrady po konservatizmu*, 2016, no. 1, pp. 101–116.
20. Blokhin K.V. Leo Shtraus i ego neokonservativnye nasledovateli (k probleme istochnikov i genezisa neokonservatizma) [Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 729–744. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744)
21. Demin I.V. Printsip istorizma v postmetafizicheskom kontekste [The Principle of Historicism in a Post-Metaphysical Context]. *Filosofskie nauki*, 2016, no. 12, pp. 34–44.
22. Strauss L. Chto takoe politicheskaya filosofiya? [What Is Political Philosophy?]. Strauss L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [An Introduction to Political Philosophy]. Moscow, 2000, pp. 9–49.
23. Demin I.V. Kritika istorizma v filosofskoy kontseptsii Leo Shtrausa [Criticism of Historicism in Leo Strauss' Philosophical Conception]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 22–36. DOI: [10.17506/ryipl.2016.17.3.2236](https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.3.2236)
24. Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural Right and History]. Moscow, 2007. 312 p.
25. Ilyin I.A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [The Philosophy of Hegel as a Doctrine of the Concreteness of God and Humanity]. St. Petersburg, 1994. 541 p.
26. Evlampiev I.I. *Bozhestvennoe i chelovecheskoe v filosofii Ivana Il'ina* [The Divine and the Human in Ivan Ilyin's Philosophy]. St. Petersburg, 1998. 509 p.
27. Evlampiev I.I. *Ivan Ilyin*. St. Petersburg, 2016. 251 p. (in Russ.).
28. Ilyin I.A. Osnovnye zadachi pravovedeniya v Rossii [The Main Tasks of Jurisprudence in Russia]. *Russkaya mysl'*, 1922, book 8–12, pp. 162–188.
29. Strauss L. Vzaimnoe vliyaniye filosofii i teologii [The Mutual Influence of Theology and Philosophy]. Strauss L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [An Introduction to Political Philosophy]. Moscow, 2000, pp. 294–309.

DOI: 10.37482/2687-1505-V147

Ilya V. Demin

Samara National Research University;
Moskovskoe sh. 34, Samara, 443086, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031> e-mail: ilyadem83@yandex.ru

THE PROBLEM OF NATURAL LAW IN THE WORKS OF IVAN ILYIN AND LEO STRAUSS

This article provides a comparative analysis of two interpretations and methodological strategies of substantiating the idea of natural law, which belong to Ivan Ilyin and Leo Strauss. The comparative method was used in the research process, while the problem-topic method was applied to the analysis and presentation of the material. The two interpretations of natural law were compared on the basis of the following criteria: 1) interpretation of the principle of historicism and assessment of its prospects for substantiating natural legal thinking; 2) correlation between natural and positive law; 3) interpretation of the essence of philosophy, relationship between the general understanding of the nature of philosophical knowledge and the principles of natural legal thinking; 4) correlation between law and religion. Both Ilyin and Strauss saw in natural law an invariant basis of positive law. Criticism of the principle of historicism (understood as relativism) is a conceptual prerequisite for the reactualization of the idea of natural law in the works of both philosophers. However, Ilyin sees in historicism an annoying prejudice and a product of a “sick” legal consciousness, while Strauss views historicism as the main challenge facing the classical philosophical tradition. The differences in the substantiation of natural law by the two philosophers stem from the differences in their understanding of the nature of philosophical knowledge. For Ilyin, philosophy begins with studying the meaning of axioms, while for Strauss, philosophy as “knowledge of ignorance” begins with a critical formulation and comprehension of fundamental questions. The most significant differences in the philosophical and legal concepts of Ilyin and Strauss are associated with the problem of the relationship between law and religion. According to Strauss, the universal rational-theoretical substantiation of the idea of natural law cannot refer to religious experience and be based on revelation. According to Ilyin, the reference of the philosophy of law to religious experience is necessary, because normal legal consciousness has an essentially religious nature.

Keywords: *natural law, positive law, Ivan Ilyin’s philosophy of law, Leo Strauss’ political philosophy, legal consciousness, classical philosophy, historicism, relativism.*

Поступила 27.09.2021

Принята 16.12.2021

Received 27 September 2021

Accepted 16 December 2021

For citation: Demin I.V. The Problem of Natural Law in the Works of Ivan Ilyin and Leo Strauss. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 6, pp. 105–119. DOI: 10.37482/2687-1505-V147